

Раздав поручения, Цзинь Суйчуань снова перевёл взгляд на экран, где Цао Цзяньян запустил видеозапись. Он принялся сопоставлять материалы, полученные из Управления по делам Омег, со снимками и роликами, которые группа Лю Юйчжоу сделала в домах пропавших. Его не покидало смутное ощущение какой-то неправильности, фальши, скользившей в этих кадрах. Но в чём именно она заключалась, он объяснить не мог — вела лишь чистая интуиция.

Цзинь Суйчуань поднял голову:

— Мне кажется, с психическим состоянием этих Омег что-то не так. Было бы лучше, если бы мы вручную перепроверили все данные, которые прислали из Управления.

Цао Цзяньян нахмурился:

— Босс, после увольнения Ай Наня у нас так и нет штатного психоаналитика-профайлера. Сейчас конец года, все завалены работой по уши, в других отделах даже на полставки никого не выпросишь.

Да, настойчивые ухаживания Ай Наня в своё время изрядно испортили Цзинь Суйчуаню кровь, но его профессионализм не вызывал сомнений. Профайлинг требовал редкого, почти интуитивного таланта, который не заменишь обычной зубрёжкой. С уходом Ай Наня вся аналитическая работа в отделе попросту встала. Цзинь Суйчуань невольно вздохнул от досады.

Этот тихий вздох мгновенно приковал к нему взгляды всех, кто находился в переговорной.

Фань Пэн с лукавой усмешкой поинтересовалась:

— Шеф, признайтесь, вы ведь к нему всё-таки неравнодушны? Может, вернёте его, а? Психоаналитики-профайлеры сейчас на вес золота, без него мы как без рук.

Остальные так и покатались со смеху, радуясь возможности подразнить начальство. Лю Юйчжоу, парень не из робкого десятка, тут же подлил масла в огонь:

— Да ладно вам, пусть он и со странностями, зато дело своё знает туго. Шеф, ну сделайте первый шаг, позовите его обратно!

Цзинь Суйчуань окинул подчинённых бесстрастным взглядом и неторопливо произнёс:

— Легко вам говорить, не за вами же он бегал. Хоть бы обо мне подумали. И вообще, если не жалеете меня, пожалейте самого Ай Наня — он же чёрным по белому написал, что видеть меня не может без душевных терзаний!

В своём заявлении Ай Нань без обиняков указал причину ухода: из-за неразделённой любви к руководителю Цзинь Суйчуаню он испытывал глубокие моральные страдания, в связи с чем просил освободить его от занимаемой должности. Благодаря этой записке о драме узнал весь Восьмой отдел, если не весь Отдел специальных расследований целиком. Цзинь Суйчуань уже сыт был по горло их бесконечными подколами.

Лю Юйчжоу хмыкнул:

— Командир, на то вы и босс, чтобы порой жертвовать собой ради общего блага. К тому же Ай Нань хоть физически и Альфа, но в душе-то чистейший Омега! А вы у нас человек высоких моральных устоев, на феромоны не размениваетесь, чужому влиянию не поддаётесь. Ну так и закрутили бы с ним платонический роман, делов-то! Это мы, простые смертные, рабы своих животных инстинктов и ведёмся на запахи.

Собрание снова взорвалось смехом. Фань Пэн, продолжая забавляться, согласно закивала:

— Вот-вот! Мы, между прочим, всей душой болели за вашу пару.

— Раз у вас столько свободного времени на пустую болтовню, сегодня все остаются на сверхурочные, — фыркнул Цзинь Суйчуань. — И завязывайте с этими двусмысленными шуточками. Я встретил Омегу, который мне безумно нравится. Не исключено, что скоро женюсь. Так что привыкайте к мысли, что перед вами будущий семейный человек. А если кто-то продолжит отпускать дурацкие шуточки... что ж, начну вычитывать из премий.

Все так и застыли с разинутыми ртами. Даже обычно невозмутимый Жун Фэйян уставился на начальника с нескрываемым изумлением:

— Серьёзно? Вы женитесь?

— Такие вещи не шутка, — отрезал Цзинь Суйчуань.

Фань Пэн подпёрла подбородок рукой и пытливо уставилась на шефа. На его лице не было и тени улыбки — он говорил абсолютно серьёзно. Осознав это, она на мгновение задумалась, а затем спросила:

— Босс, неужели встретили его сегодня днём, когда ездили в Управление Омег?

— Именно так.

— Тогда получается, что я ваша сваха! — воскликнула Фань Пэн. — Если бы я не отправила вас туда, вы бы в жизни с ним не пересеклись!

Управление по делам Омег, помимо прочего, курировало государственную систему распределения браков. Любой Альфа или Бета, желающий взять в супруги Омегу, обязан был накопить определённое количество баллов социального вклада. Эта оценка складывалась из множества факторов: физического здоровья, карьерных успехов, благонадёжности и кредитной истории. С формальной точки зрения претенденты являлись исключительно цветом нации, элитой, принесшей огромную пользу государству, поэтому Омеги по закону не имели права отвечать отказом на автоматическое распределение. Однако, если отбросить сухой язык предписаний и взглянуть на человеческие чувства, очень многие Омеги переносили такое принудительное сватовство с глубоким внутренним содроганием.

Впрочем, противились этой системе не только они — среди Альф и Бет, мечтавших о браке с Омегой, хватало тех, кто терпеть не мог навязанный сверху выбор.

Именно поэтому, если Альфа или Бета находили способ познакомиться с Омегой самостоятельно и между ними вспыхивали взаимные чувства, закон шёл им навстречу. При условии, что у инициатора брака хватало социальных баллов, в Управление подавалось адресное прошение с указанием конкретного имени. И если Омега давал официальное согласие, чиновники не имели законного права отказать влюблённым.

Разумеется, при желании влиятельные недоброжелатели могли вставить палки в колёса, но такие грязные игры велись уже в обход официальных процедур.

Цао Цзяньнянь, сощурившись, проницательно заметил:

— Ну теперь понятно, почему наш шеф сегодня весь вечер сам не свой, будто в облаках витает.

Цзинь Суйчуань легонько постучал ладонью по лежащей перед ним папке с делом:

— Работа прежде всего. Давайте не будем отвлекаться на мою личную жизнь.

— Шеф, ну скажите хотя бы, как его зовут? — не унималась Фань Пэн. — И учтите, на свадьбе с вас причитается солидный конверт за сватовство! Вы меня поняли?

К удивлению коллег, Цзинь Суйчуань даже спорить не стал. Улыбнувшись, он согласно кивнул:

— Договорились, в обиде не оставляю.

— Так какое имя? — встрял Цао Цзяньнянь.

Уж кто-кто, а он знал своё дело. Назови шеф хотя бы имя, и аналитик, несмотря на строжайшую конфиденциальность личных данных Омег, за пару минут вытащил бы на свет всю подноготную таинственного незнакомца.

Однако Цзинь Суйчуань хранил молчание.

Подчинённые решили, что босс просто оберегает свою тайну. На самом же деле он и сам не знал имени Омеги. Он твёрдо намерился довести расследование до конца, а сразу после — разузнать всё о прекрасном незнакомце, разыскать его и наконец-то познакомиться по-настоящему.

Ещё раз хлопнув ладонью по столу, он призвал коллег к порядку и повернулся к Цао Цзяньяню:

— Ладно, вернёмся к делу. Ай Нань ушёл, но что там говорит отдел кадров насчёт нового психоаналитика-профайлера? Нам ведь обещали направить какого-то самородка из полиции. Как его бишь зовут?

Хотя Имперское верховное бюро расследований и полицейский департамент принадлежали к разным ведомствам, они были тесно связаны. Бюро обладало полномочиями координировать работу полиции, а та, в свою очередь, обязана была оказывать следователям всестороннее содействие. Из-за столь плотного сотрудничества руководство Бюро нередко переманивало к себе самых перспективных полицейских специалистов.

Цао Цзяньянь, который уже давно ждал этого пополнения, ответил без запинки:

— Его зовут Лин Хуань. Я связывался с кадровиками — по документам он должен был явиться сегодня утром, но почему-то так и не подал документы.

— Возьми в отделе кадров его номер и набери его лично, — скомандовал Цзинь Суйчуань. — Выясни, какого чёрта он прогуливает первый рабочий день, и вели ему немедленно тащить сюда свою задницу. Мы тут завалены работой.

— Понял, сейчас сделаю, — кивнул Цао Цзяньянь.

— А я пока наведушусь на место происшествия, — продолжил Цзинь Суйчуань. — Чует моё сердце, дельце предстоит мутное. Наверняка придётся изрядно попотеть.

— Шеф, не каркайте, — взмолилась Фань Пэн. — У вас вечно так: стоит вам назвать дело странным, как мы по уши увязаем в каком-нибудь безумии. А я, между прочим, рассчитывала закрыть этот всяк побыстрее, чтобы на зимнее солнцестояние выпросить отгул и рвануть в горы, на лыжах покататься.

— Меньше слов, больше дела, — отозвался Цзинь Суйчуань. — Пошевеливайтесь, если хотите закончить вовремя. Будем надеяться, что все четверо пропавших Омег ещё живы.

С этими словами он снял со спинки стула куртку и направился к выходу.

Тем временем Цао Цзяньян вывел на экран досье нового сотрудника из внутренней базы данных ведомства. Лин Хуань, двадцать восемь лет, Альфа. В двадцать шесть пришёл в полицейское управление Северного округа на должность психоаналитика-профайлера. За феноменальные аналитические способности коллеги прозвали его «Гениальным разумом» — благодаря его умению раскрывать сложнейшие и самые запутанные преступления окружная полиция закрыла не один глухарь. Собственно, именно эти заслуги и позволили ему всего за два года выслужиться до перевода в Отдел специальных расследований.

Он всмотрелся в прикрепленный к личному делу трёхмерный снимок. С экрана на него смотрел статный молодой человек в отглаженной полицейской форме. Изящные, классические черты лица и уверенный взгляд делали его внешность удивительно запоминающейся.

— Ого, — протянул он. — А парень-то чертовски хорош собой. Пожалуй, даже нашего босса затмит.

Цзинь Суйчуань, уже взявшийся за ручку двери, обернулся и одарил подчинённого ледяным взглядом.

«Что за ребячество? Зачем взрослому Альфе мериться с кем-то смазливой рожей?»

Но остальных коллег замечание аналитика заинтриговало. Они гурьбой повалили к монитору и, хорошенько рассмотрев голограмму, согласно загудели:

— Да, хорош, ничего не скажешь! Жаль только, что Альфа... Какой экземпляр зря пропадает!

В тишине подземной лаборатории Лин Ду аккуратно вставил мобильный диск данных, переданный братом, в разъём главного терминала суперкомпьютера.

Мобильный диск данных был защищен многоуровневым шифрованием, однако для Лин Ду это препятствие оказалось пустяковым. Потребовалась всего пара минут упорного стука по клавишам, чтобы взломать код безопасности. На экране замелькали бесконечные строки зашифрованных файлов.

Сказать, что информации было много — не сказать ничего. Данные лились на экран лавиной, и расшифровать такой титанический объём за один присест было физически невозможно. Провозившись с кодами какое-то время, Лин Ду сумел структурировать первый сектор файлов и сразу понял, на что именно наткнулся его брат.

Перед ним лежали личные дела десятков Омег: полные анкеты, адреса, детали повседневной жизни и подробные отчёты об их ментальном и эмоциональном здоровье. Лин Ду без труда догадался, откуда Лин Хуань умудрился раздобыть эти строго засекреченные сведения.

Продвигаясь глубже сквозь дебри шифрования, он наткнулся на список имён, скрытых под кодовыми обозначениями. Напротив каждого псевдонима стояли подробные характеристики: состав и трёхмерный код феромонов, точный возраст, психологический портрет и особые сексуальные предпочтения.

Профану эти наборы символов и формул показались бы бессмысленной абракадаброй, но он годами изучал биохимию феромонов и волны психической энергии. Одного взгляда на экран ему хватило, чтобы распознать уникальные трёхмерные молекулярные коды, присущие исключительно сильным, доминантным Альфам. Почти всем фигурантам списка было далеко за сорок, а в графе «особые наклонности» у каждого без исключения значилась непреодолимая, граничащая с одержимостью тяга к конкретным типам омежких феромонов.

Пазл мгновенно сложился в его голове. Эти файлы были не чем иным, как детальной базой компромата, собранной кланом Ян. С помощью этой сети они вычисляли уязвимости высокопоставленных чиновников и подкупали их, поставляя Омег с идеально подходящими феромонами, чтобы держать на крючке.

И всё же для официального обвинения одних лишь списков не хватало. Требовались железобетонные улики, прямые связующие звенья, которых в расшифрованной части пока не наблюдалось.

Глядя на мерцающий экран, Лин Ду невольно вспомнил день, когда впервые столкнулся лицом к лицу с Ян Синъи.

Это случилось вскоре после того, как его организм завершил дифференциацию и безжалостно определил его в категорию Омег.

Лин Ду и Лин Хуань родились однойцевыми близнецами. На момент появления на свет тесты зафиксировали у обоих стандартный и самый распространённый субпол — они были Бетами.

Их родители, принадлежавшие к союзу Альфы и Беты, отказались от современных технологий, и мать выносила братьев сама. В архивах центральной больницы до сих пор хранились все медицинские карты и свидетельства об их естественном рождении.

Стремительное развитие медицины давно сделало эктогенез обыденной реальностью. Несколько десятилетий назад, когда технология искусственной матки достигла совершенства и превзошла естественные роды по показателям безопасности, более восьмидесяти процентов Бет начали отдавать предпочтение внематочному вынашиванию. Это избавляло будущих родителей от колоссальной физической нагрузки, психологического стресса и карьерных рисков, неизбежно связанных с долгой беременностью.

Но у эктогенеза был один существенный изъян — вырастить в искусственной среде плод с генотипом Альфы или Омеги наука так и не сумела. Именно поэтому правительство, стремясь сохранить чистоту и силу элиты, на законодательном уровне обязало Омег вынашивать потомство исключительно естественным путём. Считалось, что только материнское лоно

способно подарить государству здоровое и сильное поколение доминантных субполов.

Для их матери, обычной Беты, решение пройти через все тяготы беременности и самостоятельно выносить двойню в течение десяти месяцев было сродни подвигу. За этот мужественный поступок после успешных родов её даже удостоили государственной награды.

Мальчики росли не по годам смыслёнными и радовали родителей феноменальными успехами в учёбе. Уже с десяти лет они жили и учились в престижной закрытой школе-интернате. Лин Ду оказался настоящим вундеркиндом: в четырнадцать лет он блестяще сдал вступительные экзамены и поступил в Имперский политехнический университет — лучшее высшее учебное заведение страны. Лин Хуань в это время только перешёл в старшие классы и отстал от брата с поступлением на целых три года.

Их родители трудились инженерами в секретном научно-исследовательском институте оборонного комплекса. Когда близнецам исполнилось восемнадцать, на полигоне лаборатории прогремел мощный взрыв. Оба родителя трагически погибли на месте.

Братьям выплатили солидное государственное пособие, и они вступили в права наследования семейного имущества.

Возможно, роковой толчок дало страшное потрясение от потери близких, а возможно, сработали скрытые генетические механизмы, но спустя два месяца после трагедии оба юноши слегли с загадочным недугом. Их неделями мучил изнуряющий затяжной жар. Когда лихорадка наконец отступила, случилось невероятное: Лин Ду прошёл повторную дифференциацию и стал Омегой, а Лин Хуань переродился в Альфу.

Для Лин Ду это превращение стало сокрушительным ударом, трагедией, сопоставимой по масштабу с гибелью родителей. Смириться с новым статусом казалось выше его сил.

Согласно имперским законам, государство полностью брало Омег на своё содержание, выплачивая им пожизненное пособие. Но плата за эту заботу была жестокой: они лишались права наследования имущества, им строжайшим образом запрещалось заниматься какой-либо профессиональной или научной деятельностью. Их единственным законным предназначением объявлялись брак и продолжение рода.

Стоило Лин Ду официально получить статус Омеги, как всё родительское наследство и компенсации перешли к Лин Хуаню — новоиспечённому Альфе. Самого же его, который к тому моменту уже учился в аспирантуре, сделал несколько перспективных научных открытий и пользовался огромным уважением своего научного руководителя, принудительно отчислили из Имперского политехнического. Его буквально заставили перевестись в Академию Камписиса — специализированную школу, где Омег обучали покорности и манерам.

В то время он пребывал в глубочайшей депрессии. Он существовал словно в глухом, липком тумане, не понимая, зачем просыпается по утрам.

И вот однажды, посреди этого бесконечного кошмара наяву, его вызвали в диагностический центр при отделе контроля здоровья Академии Камписиса.

В глубине души он отчаянно, до боли надеялся, что повторный тест окажется спасительным. Он грезил о том, как строгий врач посмотрит на распечатку и скажет, что прошлый анализ был чудовищной ошибкой, а сам он на самом деле — обычный Бета. Тогда весь этот бред рассеется как дурной сон, и он сможет вернуться в любимую лабораторию Политехнического, к своим пробиркам и формулам.

Но боги были глухи к его безмолвным мольбам. Чуда не произошло. Именно в тот серый день в стенах центра он впервые пересёкся с Ян Синъи.

<http://bllate.org/book/20623/2131364>